

УДК 82-94
ББК 63.3(2)-8
Ф15

Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы
«Культура России (2012–2018 годы)»

Издание подготовлено при поддержке
Фонда «Связь Эпох»

« ЛЮБИТЬ И ЛЕЛЕЯТЬ НЕДУГ БЫТИЯ »

Фадеев А. М.

Ф15 Воспоминания. 1790–1867 / вступ. ст. С. А. Экштута, примеч., указ.
В. Е. Климанова. — М. : Кучково поле ; Аудит недропользования и консалтинг. 2017. — 576 с. — (Живая история)

ISBN 978-5-9950-0788-3

Воспоминания видного государственного деятеля Российской империи Андрея Михайловича Фадеева (1789–1867) — ценный исторический источник и живая многогранная картина русской жизни XIX столетия. Действие разворачивается в столичных городах и на просторах империи — в Новороссии, Поволжье, в только что присоединенном Закавказье. Описанные с любознательным интересом сцены из жизни простых людей разных народов страны соседствуют с беспристрастными оценками высшего общества. Среди действующих лиц — императоры Александр I и Николай I, М. С. Воронцов и П. Д. Киселев, случайно встреченный Фадеевым в Кишиневе А. С. Пушкин и внук автора С. Ю. Витте. Разделенные десятилетиями эпохи в жизни империи, времена ее расцвета и упадка как бы встречаются на страницах этой книги. Благодаря этому изданию мемуары А. М. Фадеева станут доступны всем интересующимся историей России.

УДК 82-94
ББК 63.3(2)-8

ISBN 978-5-9950-0788-3

© Экштут С. А., вступ. ст., 2017
© Климанов В. Е., примеч., указ., 2017
© ООО «Кучково поле», издание, 2017

Когда переиздаются редкие книги, подобные «Воспоминаниям» Андрея Михайловича Фадеева (1789–1867), обычно подчеркивается, что первое издание давно уже стало библиографической редкостью. Не будем же и мы нарушать эту традицию. Опубликованные в 1891 году в сокращенном варианте на страницах журнала «Русский архив» (номера 2, 3, 4, 5, 9, 10, 11 и 12), мемуары вызвали живейший интерес читающей публики и в 1897 году были выпущены в Одессе, «весьма ограниченным отдельным изданием», после чего надолго выпали из поля зрения исследователей.

Об авторе книги вспоминали изредка и лишь по одному единственному поводу: в июле 1822 года Андрей Михайлович Фадеев, в то время занимавший пост управляющего Екатеринбургской конторой иностранных поселенцев, приехав по делам службы в Кишинев, остановился в доме своего непосредственного начальника генерал-лейтенанта Ивана Никитича Инзова и там познакомился с Пушкиным. Мемуарист мастерски нарисовал столь красочный образ Пушкина периода южной ссылки, что трудно отказаться от соблазна процитировать обширный фрагмент из «Воспоминаний» Фадеева. Этот пространственный отрывок позволяет постичь живую Историю в ее незавершенности и разглядеть молодого поэта, еще не «забронзовевшего» и не открытого толстым слоем «хрестоматийного глянца».

ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ЗАМЕТКА К ИЗДАНИЮ 1897 ГОДА

НЕСКОЛЬКО ВСТУПИТЕЛЬНЫХ СЛОВ

Воспоминания Андрея Михайловича Фадеева были напечатаны в историческом журнале «Русский архив» 1891 года. Они обратили на себя внимание и возбудили к себе интерес как общества, так и прессы. В продолжение всего 1891 года печатания «Воспоминаний» постоянно сообщались семейству А. М. Фадеева письменные и личные заявления с выражениями особенного сочувствия и одобрения к ним. Журналы и газеты отзывались о них не менее благоприятно, перепечатывая на своих страницах многие извлечения, свидетельствовали о занимательности и достоинствах этого правдивого, живого изложения воспоминаний из своей жизни умного, наблюдательного, высоко честного труженика и деятеля на всех поприщах своей полезной жизни.

В «Русском архиве» «Воспоминания А. М. Фадеева» были напечатаны с некоторыми сокращениями и пропусками, нарушившими общую гармонию повествования. В нынешнем, весьма ограниченном отдельном издании они помещены во всей своей полноте, с прибавлением многих примечаний, пояснений и письменных документов для пополнения и подтверждения текста.

Андрей Михайлович Фадеев принадлежал к русской дворянской семье, для которой, по преданию, военная служба считалась как бы обязательной. *Прадед его, Петр Михайлович* Фадеев, убит в чине капитана в битве под Полтавой. *Дед его, Илья Петрович*, в половине прошлого столетия умер полковником от ран, полученных в Турецкой войне, в конце царствования Анны Иоанновны. *Отец, Михаил Ильич*, служил в Псковском драгунском полку¹. Один из братьев убит в Отечественную войну 1812 года. Только Андрей Михайлович составил исключение из общего правила. Зачисленный в гражданскую службу одиннадцатилетним мальчиком, по обычаю тогдашнего времени, при своем отце, он впоследствии проходил разнообразные должности. В 17 лет был уже титулярным советником. Служить ему пришлось в разных городах. Так, от 1817 года по 1834-й он был управляющим конторой иностранных поселенцев и жил в Екатеринославе, потом переведен членом Комитета иностранных поселенцев Южного края России — в Одессу. Вскоре за тем назначен в Астрахань главным попечителем кочующих народов, откуда переведен в Саратов управляющим Палатой государственных имуществ и там же назначен губернатором. Пробыв семь лет на этом посту, здоровье Андрея Михайловича, сильно пострадавшее от чрезмерных трудов и забот,

¹ Впоследствии перешел в гражданскую службу.

сопряженных в то время с этой должностью, и от несправедливых придинок желчного министра Перовского, заставило его выйти в отставку; но чрез несколько дней по получении ее А. М. был приглашен наместником кавказским, графом М. С. Воронцовым, хорошо знавшим и ценившим его, поступить на службу в его управление. Андрей Михайлович был назначен членом Совета главного управления и управляющим экспедицией государственных имуществ Закавказского края. На этом последнем своем посту он оставался с 1846 года до конца жизни, то есть до 1867 года.

Где ни служил Андрей Михайлович Фадеев, куда служба его ни заносила, везде он оставил по себе светлую признательную память. В колониях иностранных поселенцев Новороссийского края и Таврической губернии; в астраханских степях, между дикими племенами кочующих калмыков; в Саратовской губернии, тогда еще неразделенной и вмещавшей в себе народонаселение, по количеству равное целому Баварскому королевству; в Закавказском крае, среди переселенцев русских и инородных, — многие годы и десятки лет имя Андрея Михайловича Фадеева не произносилось иначе, как с глубокой благодарностью и любовью за его высокую справедливость, за строгую внимательность к их нуждам, за посильные старания об их пользе и благосостоянии и за безукоризненную честность и бескорыстие, довольно редкие в то время. Даже теперь, когда второе и третье поколение сменило тех людей, которые лично пользовались благотворным влиянием Андрея Михайловича, внуки и правнуки их, во множестве семей разнородных племен и языков, с задушевным чувством признательности и уважения передают рассказы о добром начальнике, благодетеле их отцов и дедов.

Мои ВОСПОМИНАНИЯ

1790–1867

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

«Записки каждого частного лица о том, что случилось видеть, слышать или чего быть свидетелем в жизни, как бы оно ни было мало значуще в свете, всегда могут быть интересны для будущих времен, касательно нравов того века, людей, образа жизни, обычаев и происшествий. По этим происшествиям, как бы неудовлетворительно они ни были рассказаны, как бы искусно они ни были подобраны автором записок, все-таки знакомиться с нравами того века, с тем, что и как делалось на белом свете»¹.

Я родился 31 декабря 1789 года в городе Ямбурге Печорской губернии, где тогда квартировал полк, в коем служил отец мой. Поступив в военную службу еще в 1762 году в Псковской драгунский полк, отец мой служил в нем во все время своей военной службы, тридцать два года, до 1794 года. Считался хорошим офицером и вышел в отставку в чине майора, по притязаниям известного в свое время строптивым характером полкового командира, графа Дмитрия Александровича Толстого. В 1795 году он вступил в гражданскую службу по ведомству путей сообщения, что тогда называлось Управлением водяных коммуникаций, и продолжал ее в нем в различных должностях; был начальником Боровицких и Волховских порогов, а потом в Минской губернии директором на канале Огинском, до 1816 года, когда вышел в отставку в чине статского советника. Умер в 1824 году.

Мать моя была родом из Лифляндии, урожденная фон Краузе, добрая и попечительная о детях женщина и истинная христианка. У моего отца было восемь сыновей и две дочери. Двое старших из сыновей, Иван и Александр, воспитывались в Сухопутном корпусе, что ныне кадетский, четверо, Павел, Константин, Петр и Михаил, в тогдашнем артиллерийском, что ныне 2-й. Замечательно, что все последние четыре брата определены в корпус в одно время.

¹ «Русский Вестник», 1859 г., «Записки Энгельгарта», и «Современник», 1860 г., «Прадедовские нравы».

Отец мой, по выходе из военной службы, затрудняясь, как их воспитывать, и не имея никакой протекции, обратился к правителю канцелярии князя Зубова (тогда всесильного фаворита), Овечкину, которого вовсе не знал. Овечкин, убедясь в действительности затруднительного положения моего отца, выпросил у князя приказание принять их всех одновременно. Седьмой сын — я, а восьмой — Николай, умерший в детстве. Из всех братьев моих один, более всех мною любимый, Павел, служил с успехом, был артиллерийским генерал-лейтенантом и умер в Петербурге в 1855 году. Сестра Екатерина, бывшая в замужестве за инженерным полковником Сливицким, и братья Иван, Александр, Петр и Михаил померли гораздо раньше. Последний, служивший в Павловском гренадерском полку довольно удачно, убит в Отечественную войну. Теперь (1859 год) в живых остались только я, брат Константин, проживающий в отставке в Минской губернии, и сестра Мария, вдова, бывшая замужем за чиновником Едаловым.

Из всех братьев я один только не воспитывался ни в каком учебном заведении; по особенной привязанности ко мне, родители не хотели никак разлучиться со мной, я еще более вовсе не желал оставить родительский дом. Но вследствие того, при малых средствах, особенно в то время, к домашнему воспитанию, оно было весьма недостаточно, или, лучше сказать, не было почти никакого. Немецкому языку выучила меня мать, а для французского при мне находился несколько лет учитель, старик француз Виртман, бывший некогда камердинером у знаменитого польского князя Радзивилла в Несвиже¹. Этот француз был полезен мне только тем, что, не зная по-русски, болтал со мною постоянно по-французски и заставлял меня, таким образом, волей-неволей, практиковаться в французском языке, разумеется, вкривь и вкось. Гораздо

¹ Несвижский замок (ныне на территории Минской области Белоруссии) — майоратное владение одной из ветвей литовско-белорусского княжеского рода Радзивиллов. В данном случае, видимо, имеется в виду князь Кароль Станислав Радзивилл по прозвищу Пане Коханку (1734–1790). (В. К.)

правильнее я этому научился у бывшего помощника отца моего, чиновника Макарова, знавшего хорошо французский язык. К счастью, я, при хорошей памяти, имел с детства большую склонность к чтению, интересовался беседой с людьми, имевшими некоторые познания, с которыми мне случалось встречаться, и почти все мое тогдашнее образование приобрел этими двумя средствами.

Отец мой, по выходе из военной службы в отставку в 1794 году, жил год в Петербурге, для приискания должности в гражданской службе. С этого времени начинаются мои воспоминания. Помню я, как брат мой Михаил, бывший годом старше меня, едва не застрелил меня из пистолета, когда мы играли в каретном сарае. Он вынул из каретного чехла пистолет, который человек забыл разрядить, и, не думая, что он заряжен, спустил курок, и пуля пролетела так близко от моей головы, что почти коснулась виска.

В 1795 году отец мой, по рекомендации бывшего когда-то его полкового командира Ивана Федоровича Мамонова тогдашнему главному начальнику водяных коммуникаций Николаю Петровичу Архарову, был определен начальником дистанции между Вышним Волочком и Боровицкими порогами и имел пребывание на Кошкинской пристани в Тверской губернии, в пятидесяти верстах от Вышнего Волочка. В соседстве находилось много помещиков, но почти все столь же мало образованные, как описывает Державин в своих записках дворян-помещиков Тамбовской губернии XVIII столетия. Из них выдавались, как лучшие еще: Хвостов, Ладыгин, Тыртов и Чоглоков, к которым отец мой часто возил меня в гости. Чоглоков, хотя и камергер, был так суеверен, что бегал от попов в домах и на улицах, как от чумы. Но все они были добрые люди и великие хлебосолы. Помню также известие о кончине императрицы Екатерины, привезенное отцу моему помещиком Тыртовым, и сколько толков и тревоги произвело это событие.

В 1798 году, когда главным директором водяных коммуникаций был назначен граф Сиверс, то отца моего перевели на Волховские пороги с назначением пребывания на Гостинопольской пристани, выше порогов, в тридцати верстах от Новой Ладogi. Здесь я видел этого графа,

приезжавшего обозревать пороги и проектировать их уничтожение. Помню его как теперь, высокого, худощавого, седого старика, во фраке песочного цвета, с голубой лентой по камзолу и звездами, в буклях и вместо косы с огромным кошельком на затылке. Это был замечательный государственный человек. Помню я, как удивлялись все в то время терпению, деятельности и той подробности, с которой он во все входил. Но имел он большое пристрастие к своим соотечественникам-немцам и не скрывал своего мнения, что всякий немецкий чиновник честнее русского. Я был тогда девятилетним мальчиком, он спросил меня, знаю ли я по-немецки. И, получив ответ, что знаю, очень нежно обласкал меня; этого оказалось довольно, чтобы ему понравиться. Другая его страсть состояла в преобразованиях и проектах всех родов, что справедливо заметил и Державин в своих записках. Стремление делать второй шаг, прежде чем сделан первый, или, как выразился Жуковский, перескакивать из понедельника в среду, не пройдя вторника, было, да, кажется, есть и теперь, слабостью многих наших государственных людей. Самые благонамереннейшие из них, начиная от Петра Великого и даже до настоящего времени, не постигали, или не хотели постигнуть, как мало еще у нас людей (особенно как мало их было в прежнее время), способных к исполнению их благих преднамерений. От того неудачи и неисполнение, и извращения большей части таковых предприятий, при огромных на то издержках.

Граф Сиверс, как выше сказано, имел пристрастие к своим соотечественникам. Составив огромные штаты своему новому управлению водяными сообщениями, он учредил вместо одного чиновника при Волховских порогах — четырех. Вся обязанность этого управления заключалась в наблюдении, дабы прибрежные лоцмана не делали притеснений судопромышленникам при проходе судов через пороги. А притеснения состояли в том, что лоцмана проводили через пороги тех, кто им платил больше, не наблюдая, как следовало, очереди по времени прибытия судопромышленников. Четыре чиновника значились: директор с тремя помощниками. Директором Сиверс на-

значил немца Свенсона, а отца моего определил к нему первым помощником — кажется, единственно только потому, что Свенсон был немец, а отец мой — русский. Блум в своих записках¹ о графе Сиверсе (II том, от стр. 407 по 418) распространяется об этом Свенсоне как о гениальном шлюзном мастере, но на этом месте никакого технического искусства не требовалось: все дело состояло в недопущении лоцманов своевольничать, к чему Свенсон не имел никакой способности. Ему было уже более семидесяти лет. Все занятие его состояло в искусной разрисовке лакированных ящиков, кои он рассылал в подарок своим петербургским патронам, а бумаги подписывал, не читая того, что ему подавал писарь. Деятельная его служба заключалась в том, что три или четыре раза в лето, при проходе караванов, он выходил из своей квартиры на берег в ситцевом халате и в треугольной шляпе с плюмажем. В этом наряде он красовался, как павлин, и балагурил с лоцманами, которые над ним подшучивали. Беспорядки и притеснения судопромышленникам при этом порядке вещей не только не прекратились, но даже усугубились. Отец мой не мог смотреть на это равнодушно, а Свенсон, вдобавок своей бездеятельности, был упрям и своенравен и никогда не хотел слушать; а потому отец мой и просил графа Сиверса развести его с ним, вследствие чего отца и командировали для очистки Невских порогов. При этом поручении он имел пребывание на дворцовой мызе Пелле, находящейся на берегу Невы, тридцать верст выше Петербурга, куда и меня взял с собою. Эту мызу императрица Екатерина основала при рождении великого князя Александра Павловича; тогда же заложен великолепный дворец, оставшийся недостроенным и находившийся уже в развалинах. А пороги, по недостатку средств очистить их на казенный счет, остались неочищенными.

Когда очищение порогов решили отложить, то граф Сиверс, кажется, единственно для того, чтобы не сводить

¹ Имеется в виду четырехтомная работа К. Л. Блума «Один русский государственный деятель: значение графа Якоба Иоганна Сиверса для истории России», вышедшая в Германии в 1857–1859 г. (В. К.)

отца моего вновь со Свенсоном, поручил ему устройство бичевника по реке Волхов, от места порогов вверх по реке до Новгорода. Два лета я провел с отцом в разъездах по этой реке; с тех пор у меня остались в памяти все красивые и замечательные места по обоим берегам Волхова, в коих мы квартировали по несколько дней и недель, как то: Званка Державина, Сосницкая пристань, Грузино и некоторые монастыри.

В марте 1801 года последовала кончина императора Павла. Обстоятельства, сопровождавшие ее, тотчас разгласились и сделались известны даже между простым народом, но только с разными прибавлениями и комментариями.

В 1802 году отец мой был определен директором экономики на Огинский канал в Минской губернии. Меня радовало продолжительное путешествие при переезде туда. Сохранилось у меня в памяти несколькодневное пребывание наше в Полоцке, посещение там иезуитского монастыря и его кабинетных редкостей; из них особенно заинтересовала меня картинная галерея, которую показывал нам услужливый иезуит.

Канал Огинский, основанный гетманом этого имени еще во время существования Польши, соединял Днепровскую систему вод с Неманом и считался потому соединяющим Балтийское море с Черным. Но принес, да и теперь, кажется, приносит мало пользы, главнейше оттого, что для сбережения издержек строили кое-как, отпускали деньги несвоевременно, а со стороны местных и главных начальников (как и впоследствии, так и теперь) преобладали злоупотребления и превладычествовало шарлатанство. Строилось все для показу, без заботы о прочности. Отец мой с семейством жил при самом этом канале, в имении же Огинского, Минской губернии, Пинского уезда, в местечке Телеханах. Там еще существовали огромные постройки покойного гетмана, приезжавшего туда часто охотиться; в них-то и помещались все чиновники, принадлежавшие к управлению над каналом. Впрочем, местоположение и окрестности незавидные; они состояли во все стороны из болот, озер и лесов, некогда огромных, но уже и тогда от

беспорядочного управления сильно опустошенных. Однако диких зверей всякого рода водилось еще много.

Мне едва минуло двенадцать лет, когда меня уже зачислили на службу. Тогда такое определение не было сопряжено ни с какими формальностями, или, по крайней мере, их обходили без всякого опасения. Не требовалось ни метрических выписок о рождении, ни свидетельств о происхождении и никаких аттестатов об обучении. Меня определили под начальство отца моего сперва каким-то смотрительским помощником, потом бухгалтером, письмоводителем и, наконец, чиновником мастерской бригады 17-го округа путей сообщения. Дел у меня было по всем этим должностям очень мало, и главным образом я занимался чтением и письмоводством под диктовку отца моего, который, во все время прохождения моего по этим должностям, до выхода моего из службы по части путей сообщения, был и моим начальником. Общество мое состояло кроме семейного круга из чиновников и соседних помещиков, от коих ничему доброму научиться не мог. Впрочем, между ними находилось несколько порядочных людей, примеру и влиянию которых я был обязан тем, что не сделался негодяем.

Служебные дела занимали меня немного, а потому я проводил время большею частью в чтении книг и с жадностью читал все, что мне попадалось под руку. Случайно имел я книги хорошие из библиотеки служившего в то время членом управления над каналом Степана Ивановича Лесовского, незаконного сына князя Н. В. Репнина; он служил там единственно для устройства своего имения близ самых Телехан, выделенного из конфискованного имения гетмана Огинского, которое было пожаловано князю Репнину вместе с шестью тысячами душ крестьян; из них четыреста душ Репнин подарил Лесовскому. Ему досталась и большая часть библиотеки покойного князя, состоявшей из избранных французских книг. Там я читал и «Histoire de Catherine II par Castera»¹, и этот экземпляр особенно заинтересовал меня тем, что в нем на пробелах

¹ «История Екатерины II, императрицы Российской» Ж. А. Кастера (издание 1800 г.; первое издание под названием «Жизнь Екатерины II, императрицы Российской» увидело свет в 1797 г.). (В. К.)

книги были сделаны отметки карандашом рукой князя о том, что в нем сказано справедливо и что солгано. Лесовский был позднее курским губернатором, а потом окружным жандармским генералом, кажется, в Москве.

Считаю не лишним упомянуть, что в конце 1802 года много ходило толков о совершившемся тогда преобразовании в государственном управлении учреждением восьми министерств, которое тогда сильно критиковали. По этому случаю даже сочинили стихи под названием «Игра в бостон» — игра, сделавшаяся тогда в России всеобщей. Стихи не отличались красноречием и теперь уже, вероятно, вовсе забыты; но чтобы показать, как тогда оценивали вновь назначенное министерство, помещу их здесь.

БОСТОН

Игра бостон открылась снова,
Ее совет апробовал^I.
В Москву сослали Беклешова^{II}
За то, что ею презирал.
А Воронцов^{III}, король бубновой,
Доволен сей пременой новой,
Стал Чарторыжскому^{IV} под масть.
Товарищ сей не помогает:
Он вечно на свои играет;
Топить — его охота, страсть.

* * *

Grand souverain^V в руках имея,
Весь Кочубей^{VI} объемлет свет,
Но разыграть же не умея,
Поставить может он la bête^{VII}.

^I Одобрил (от фр. approbation — одобрение). (В. К.)

^{II} Бывший генерал-прокурор.

^{III} Министр иностранных дел.

^{IV} Товарищ его.

^V Так называлась тогда в бостоне игра на тринадцать в козырях.

^{VI} Министр внутренних дел.

^{VII} Лабет, «зверь» (фр.), ремиз — недобор взятки и штраф за недобор в карточной игре. (Здесь и далее перевод В. Е. Климанова.)

Некстати козыря подложит,
Ренонс он также сделать может
И станет масти проводить.
С ним, правда, Строганов^I играет,
Но козырей сей граф не знает,
С чего не знает подходить.

* * *

Бостона правила известны!
Державин^{II}, сам ты написал,
И сколь в игре должны быть честны,
Стихами, прозою сказал.
Но карты в руки, — и забылся;
Ремизы ставить ты пустился,
Чужие фишки подбирать.
И доказал тем очень ясно,
Что можно говорить прекрасно,
Но трудно делом исполнять.
Трощинский^{III}, взявшись за уделы,
К себе все фишки подхватил;
Когда б не женщины-пострелы,
Игрок больших он был бы сил.
Но люди созданы все слабы!
Им овладели девки, бабы,
Тащат все у него из рук.
Без них он мог бы без лабету
На пользу целому быть свету,
Но что ж, — кто бабушке не внук!

* * *

Румянцев^{IV} возится с мизером,
Хотя за все двойной платеж;
И хочет собственным примером
В рубле ходить заставить грош.

^I Товарищ министра внутренних дел.

^{II} Министр юстиции.

^{III} Министр уделов и главный директор почт.

^{IV} Министр коммерции.

Давно по свету слух промчался,
 Что женщин он всегда боялся
 И потому отводит дам.
 Игру он худо разумеет
 И карты лишь в руках имеет,
 Играть велит секретарям.

* * *

А ты, холоп виновной масти,
 Вязмитинов!¹ Какой судьбой,
 Забывши прежние напасти,
 Ты этой занялся игрой?
 Ты человек, сударь, не бойкий,
 Знали мы тебя и двойкой,
 Теперь, сударь, фигура ты!
 Но не дивимся мы нимало:
 Всегда то будет и бывало,
 Что в гору лезут и кроты.

Сатира на Вязмитинова совсем несправедлива. Правда, что он происходил не из бояр, а был сын бедного курского дворянина, но, несомненно, был человек правдивый, честный и отменно усердный по службе. Доказательством тому служит, что он без всяких происков и протекций достиг высших государственных должностей и был, по своему времени, очень хороший военный министр. В этом отдавал ему справедливость и Аракчеев, которого нельзя упрекнуть в щедрости на похвалы. Впрочем, дабы дать понятие, как тогда и серьезные люди оценивали личности, занявшие звания министров, привожу выписку из письма 1802 года одного значительного административного лица: «Из наших новых столбов мы только на двух опираемся (кажется, здесь подразумевались Воронцов и Кочубей), прочие или худо построены, или недоложены. Еще хуже — есть некоторые безобразны. Судите, какая польза целому зданию! Противно смотреть, и не хотелось бы их видеть, но они, как назло, всегда первые в глазах. Часто

¹ Военный министр.

смеюсь сим карикатурам, но иногда бешенство берет, когда видишь, как они искажают все строение. Говорят, что скоро министром будет Мордвинов; дай только Бог, чтобы опыты его исправили: он больно затейлив».

В продолжение десятилетней службы моей в выше-сказанных должностях меня посылали три раза в Петербург под разными служебными предлогами, где я и проживал по несколько месяцев. Там мне представлялись случаи видеть всю императорскую фамилию и все знаменитости того времени, как например: посланника Наполеона Колленкура, графа Деместра, канцлера графа Воронцова, графа Николая Петровича Румянцева и прочих. Ознакомился я со своим высшим служебным миром и был дружески принят тогдашними членами департамента коммуникаций. Один из них, Герард, особенно благоволил к отцу моему, и потому я неоднократно у него обедал. Семейство Герарда было замечательное. Оно состояло, во-первых, из главы семьи, самого Герарда, 86-летнего старика, тайного советника и члена департамента водяных коммуникаций. Он считался искусным гидравликом, и лучшие по этой части сооружения в царствование императрицы Екатерины II исполнены по его начертаниям и руководству — из пяти его сыновей¹, из коих четыре были уже генералами, и двух дочерей, также генеральш, именно г-жи Герман и Мейдер. Все они жили в одном доме, все делали складчину на домашние расходы и жили одной семьей. На них указывали в Петербурге как на пример родственного согласия и любви.

Тогда же я ознакомился ближе и с литературой французской, воспользовавшись случаем к чтению полезных книг, по руководству некоторых добрых знакомых.

Таким образом я провел мое юношество и молодые годы до 22 лет, то есть до 1812 года.

¹ У тайного советника Ивана Кондратьевича Герарда (1720–1808) было четыре сына, из которых до генеральских чинов дослужились: Герард Антон Иванович († 1830), генерал-майор (1799), Герард Фердинанд Иванович (1761–1829), генерал-майор (1799), в 1809 вышел в отставку с производством в чин генерал-лейтенанта, Герард Логгин Иванович († 1807), генерал-майор (1797). (В. К.)

Еще в 1811 году и особенно в начале 1812 года начали носиться слухи о предстоящей политической буре. Непрестанное передвижение войск, говор, с трудом скрываемое нетерпение между поляками и разные другие события явно предвещали бурю.

Надобно сказать, что наше местопребывание, местечко Телеханы, расположено в стороне от больших дорог и в расстоянии от города Слонима (Гродненской губернии) всего на 12 миль (84 версты). В этом городе находилось пребывание окружного начальника VI округа путей сообщения, генерала Фалькони, к заведыванию коего принадлежал Огинский канал, а также в Слоним была переведена в то время корпусная квартира и потом штаб 2-й армии. Начальником артиллерии этой армии был генерал-лейтенант барон Левенштерн, а старшим адъютантом при нем и, можно сказать, его правой рукой — брат мой Павел. По этой связи, барон Левенштерн находился в дружеских отношениях с моим отцом и, предвидя продолжительную войну, на случай если бы театр войны открылся вне России, решил поместить семейство свое, состоящее из жены и двух детей, под покровительство отца моего в Телеханах, где просторного помещения в опустелых строениях гетмана Огинского было много. Левенштерн часто из Слонима навещал семейство свое и проживал у нас по несколько дней.

При первом известии о вступлении неприятеля в наши границы, в начале июня, так как Левенштерн уже знал, что наши армии будут отступать, он приехал в Телеханы, чтобы взять с собой семейство свое и отправить его вовнутрь России. Рассказывая о положении дела отцу моему, он, в то же время, стал его убеждать, чтобы он, забрав всех чиновников и команду (состоявшую с лишком из 100 человек) и все из казенного и своего имущества, что только можно забрать, отправился бы на казенных барках в Киев. Отец мой был строгий блюститель дисциплины и не постигал, как он может это сделать, не имея на то ни от кого никакого повеления, и как возможно, чтобы начальство позабыло само сделать о том распоряжение. Невзирая на все доводы Левенштерна, что теперь не то время, чтобы

соблюдать регламентации, что главному начальству теперь не до того, чтобы заботиться о спасении горсти чиновников, солдат и несколько тысяч имущества казенного и частного, а что дело идет о спасении отечества и что каждый должен думать сам о себе, — отец мой не согласился последовать его совету, но решился, однако же, послать меня с отъезжавшим в тот же день Левенштерном обратно в Слоним для испрошения приказания от окружного генерала — что ему делать. Приехав с Левенштерном на другой день в Слоним, я нашел там ужаснейшую суматоху: часть штаба 2-й армии уже выступила по направлению отступления, остальная часть должна была очистить город того же дня. А генерал Фалькони, к ко-ему меня послали, как только услышал о приближении неприятеля, то немедленно со своим семейством удрал по дороге в Россию, неизвестно куда, не спросив ни у кого. Может статься, что русского генерала отдали бы за это под суд; но Фалькони был земляк генерала де Воланта, бывшего тогда правой рукой у главного директора путей сообщений принца Ольденбургского, и потому, по окончании кампании, за предусмотрительность в спасении якобы команды и казенного имущества получил Владимира на шею.

При таких обстоятельствах Левенштерн дал мне следующий совет: как можно скорее отправиться обратно и передать отцу моему, чтобы он, не теряя ни минуты, отправил нарочного к главнокомандующему 2-ю армией князю Багратиону (уже выехавшему из Слонима) по прямой дороге в Несвиж за приказаниями: что ему делать? Ибо, за отступлением армии по этому направлению, местность Огинского канала уже находилась в районе неприятельского занятия. Я немедленно собрался в путь, но затруднение состояло в том, на чем мне ехать и как добратся. Почтовые лошади на всех станциях, находившихся на пути ретирады, забирались армией, вольных же ни за какие деньги нельзя было нанять. Я решился до местечка Жировичи, в десяти верстах от Слонима (где униатский монастырь знаменитого образа Божьей Матери), идти пешком.

К счастью еще, что и русская, и неприятельская армии, следуя по известному направлению, двигались, как бы огненная лава, по большому тракту, не прикасаясь к побочным местностям более как на версту или за две, так что далее жители часто не знали о происходившем у них вблизи в момент события. Добравшись до Жирович, я нашел еврея, который отвез меня в Телеханы. Отец мой решил последовать совету Левенштерна и, отправив офицера за разрешением к князю Багратиону в Несвиж, распорядился тотчас же о нагрузке на баржи и на лодки казенного имущества и команды. Вскоре полученный ответ от князя Багратиона содержал предписание: забрав чиновников, команду и все, что можно от казенного имущества спасти, отправиться немедленно водою вниз до города Мозыря и там получить от начальника резервных войск генерала Запольского приказание: оставаться ли там или продолжать путь далее, и куда именно.

При всеобщем стремлении всех русских избежать неприятельского плена, мы собрались с невероятной скоростью. К счастью, местные жители нисколько тому не препятствовали, сами не зная наверное, что все это значит. Через несколько дней мы достигли города Мозыря, где командовал генерал Запольский. Маленький городок Мозырь был переполнен мелкими отрядами разных регированных команд и чиновников, и потому Запольский несколько дней спустя отправил нас в Киев. Он предлагал мне поступить к нему в адъютанты; сначала это предложение мне понравилось, но, узнав, что Запольский почти постоянно пьян, я отказался от него.

Погода стояла хорошая, и наше медленное путешествие могло бы назваться даже приятным, если бы не отравляла мысль о причине его. По пути, на ночлегах, нас принимали береговые жители и помещики очень гостеприимно. Помню радушные приемы Брозина, Гольста и графини Хоткевич в местечке Черноболъ. Это была почтенная 80-летняя старушка¹, мать княгини Любомирской,

¹ Графиня Ходкевич родилась в 1744 г., то есть в 1812 г. ей было не 80, а 68 лет. (В. К.)

казненной в Париже¹ во время революции и известной тогда во Франции под именем «la Belle Polonoise»^{II}. Там еще носились только темные, неопределенные слухи о вступлении неприятеля в наши границы, и сын графини Хоткевич^{III} даже уверял нас, что вся война окончится на перьях.

Недели через три доехали мы до Киева. Военного губернатора графа Милорадовича уж не застали: он отправился в Калугу формировать резервную армию. Главным начальником, за отсутствием его, оставался комендант генерал Массе, 80-летний добрый старик^{IV}, известный тем, что до смерти своей (а жил он, кажется, около ста лет) слыл неисправимым волокитой и еще славился своим бессознательным лганьем, в чем почти равнялся с знаменитым германцем бароном Мюнхгаузенем. Массе, вдвоем с жившей в Киеве, таких же лет, как и он, генеральшей Репнинской, потешали Киев своими забавными рассказами. Вот два маленьких образчика: Массе рассказывал, что когда он состоял при императрице Елизавете Петровне бомбардирским капралом, то в его капральстве служил бомбардир, большой силач и пьяница, который один раз снес на плечах в кабак и пропил две пушки. А Репнинская рассказывала, что она видела двух близнецов, сросшихся спинами и благополучно выросших таким образом; когда же они достигли совершеннолетнего возраста, то мальчик пошел в военную службу, а девочка в монастырь. Замечательнее всего то, что они сердились, если кто не верил их рассказам. Каждый день они между собой ссорились и каждый день мирились.

Киев еще более, чем Мозырь, был переполнен частями войск и разным чиновничеством, ухидившим от неприятеля.

^I Княгиня Розалия Любомирская (урожденная Ходкевич) (1768–1794), известная красавица своего времени; находясь во Франции в период якобинского террора, она была казнена за связь с контрреволюционерами. (В. К.)

^{II} Прекрасная полька (фр.).

^{III} Александр Франтишек Ходкевич (1776–1838), польский военный деятель, участник восстания Т. Костюшко. В 1812 г. сформировал на свои средства полк, во главе которого воевал на стороне Наполеона; бригадный генерал. (В. К.)

^{IV} Александр Осипович Массе родился в 1746 г., то есть в 1812 г. ему было 66 лет. Умер он в 1818, в возрасте 72 лет. (В. К.)

теля. Свободных квартир решительно не находили: более что только за год перед тем большая и лучшая часть Киева выгорела. Поэтому нас после двухмесячного пребывания в Киеве отправили на квартирование вниз по Днепру в местечко Ржищево, находящееся в 70 верстах от Киева.

Это местечко, принадлежавшее тогда графине Дзялынской, расположено на берегу Днепра, в хорошем местоположении, и там мы нашли спокойное и удобное пребывание на время нашей эмиграции.

В Ржищеве я познакомился с княжной Еленой Павловной Долгорукой, моей будущей женой. Она жила там у бабушки своей, вдовы генерал-лейтенанта Елены Ивановны де Бандре-дю-Плесси. Здесь надобно сказать о них обеих несколько подробнее.

Бабушка ее, Елена Ивановна, урожденная Бриземан-фон-Неттиг, родом из Лифляндии, была в замужестве за генерал-лейтенантом Адольфом Францевичем де Бандре-дю-Плесси. Он был по происхождению француз; фамилия его с титулом маркиза принадлежала к старому французскому дворянству и разделилась на две ветви: Бандре-дю-Плесси и Морне-дю-Плесси. Последняя до сих пор существует во Франции. Дед его, сделавшись гугенотом, вынужденный удалиться из своего отечества во время религиозных гонений, поселился в Саксонии, где занимал важное служебное место. Сам Адольф Францевич в ранней молодости служил в Саксонии в военной службе и в чине капитана, по приглашению из России, перешел в российскую военную службу в начале царствования императрицы Екатерины II. Участвовал почти во всех войнах ее царствования, командовал полком, а впоследствии и корпусом во время Крымской кампании; был очень любим Суворовым, от которого сохранились письма к нему. Кроме военной деятельности он занимался дипломатическими делами, которые часто поручались ему, особенно в Польше и Крыму. Он находился под особенным покровительством бывшего канцлера графа Никиты Ивановича Панина; был человек умный и отлично образованный. Около 1790 года он по болезни вышел в отставку и поселился на жительство в своем имении (Могилевской гу-

бернии) Низках, конфискованном у польского помещика Чудовского и высочайше ему пожалованном, частью же и им самим прикупленном. Но, вероятно, по его незнанию законов и тогдашнего крючкотворства, при приобретении этого имения вкравлись какие-нибудь упущения в формальностях, потому что, по смерти де Бандре в 1793 году, бывшие владельцы имения начали с вдовой его самый незаконный, несправедливый процесс, основанный на подкупах и похищении документов, вследствие коего в 1796 году она должна была оставить это имение и переселиться в Киев¹.

Покойные де Бандре имели всего одну дочь, Генриетту Адольфовну, — мать княжны Елены Павловны. Она выдана в замужество в 1787 году за бывшего в то время полковником князя Павла Васильевича Долгорукого. Замечательная красотой своей, но несколько легкомысленного и своеобразного характера, она любила свет, выезды, что и послужило причиной несогласий ее с мужем, человеком серьезным, и, после нескольких первых лет супружества, продолжительной жизни с ним врознь. Только за три года до своей смерти она снова с ним сошлась и умерла в 1812 году.

От сего брака остались две дочери. Старшая из них, княжна Елена Павловна, родилась у них 11 октября 1789 года, в доме родителей матери своей, в то время как отец ее командовал Тверским драгунским полком под Очаковым. Дед и бабушка горячо привязались к внучке своей, не хотели слышать о разлуке с ней, оставили ее у себя и никуда от себя не отпускали. У них она выросла и воспитывалась. Когда умер дед ее де Бандре, ей было всего четыре года, и, несмотря на малолетний возраст, смерть эта глубоко потрясла ее, и в течение всей последующей жизни, спустя многие десятки лет, даже в преклонных годах, она не могла вспомнить о нем без особенного чувства любви и умиления. Взаимная привязанность бабушки и внучки также была неограниченная. Все состояние первой заключалось,

¹ Управляющий ее делами, бывший адъютант ее мужа, *Ворочонок*, подкупленный Чудовскими, передал им все документы и потом, испугавшись своей мошеннической сделки, отравился.

после потери имения, в 30 тысячах рублей ассигнациями и в 500 рублей пенсии, которую она получала до смерти своей от благодетельницы в то время многих вдов и сирот императрицы Марии Феодоровны. Часть своего небольшого капитала Елена Ивановна де Бандре употребила на переезд в Киев, на покупку дома, а потом взятие во владение аренды в местечке Ржищеве в заклад (по-польски: в заставу), состоявшей в доме с участком земли и несколькими крестьянами. Небогатыми своими средствами она дала своей внучке наилучшее воспитание, в соединении с серьезным, многосторонним образованием. Родители заботились о ней мало, полагаясь на любовь и попечения ее бабки; они уже жили в несогласии между собой. Отец ее, вышед в отставку в чине генерал-майора в начале царствования императора Павла, проживал в Пензенской губернии.

Через несколько лет по переезде Елены Ивановны де Бандре в Ржищев помещица графиня Дзялынская выкупила заложенное ей имение, но, по доброму расположению и дружбе к Елене Ивановне, предоставила ей по смерти жить в местечке Ржищеве и пользоваться безвозмездно домом с участком земли.

В таком положении жили они в Ржищеве в 1812 году, когда я, прибыв туда, познакомился с генеральшей де Бандре и внучкой ее княжной Еленой Павловной Долгорукой. Княжна была в то время в трауре по случаю смерти матери ее, княгини Генриетты Адольфовны, в 1812 году. Общая наша охота к литературным занятиям сблизила нас. Мы вместе читали, переводили и, наконец, искренно полюбили друг друга. Я, по взаимному нашему согласию, стал просить у бабки руки ее и, разумеется, вначале встретил со стороны бабушки довольно сильное сопротивление, потому что наша задушевная решимость произошла безотчетно; никакие соображения о нашей будущности, о средствах к жизни нам и в голову не приходили. Маленькое состояние бабки, давно уже завещанное ею внучке, только доставало на скромное удовлетворение необходимых нужд, и Елена Павловна, по деликатности своей, никогда не хотела, пока бабушка жива, получать от

нее помощь. Отец ее, князь Павел Васильевич, тогда находился в очень стесненных обстоятельствах по причине расстройства своего состояния и, живя почти одной пенсией, ничего не мог уделить ей. А я, с моим небольшим жалованьем, при небогатом состоянии отца, жившего единственно службой, которой должен был содержать многочисленное семейство, тоже далеко не представлял обеспеченного положения. Но любовь бабушки к внучке, объявившей, что если она брак со мною не благословляет, то она не станет противиться воле ее, но уже ни за кого в мире никогда не выйдет замуж, преодолела ее несогласие. Этому помогла также родственница жены моей, жившая в 30 верстах от Ржищева, помещица Елизавета Михайловна Селецкая, рожденная княжна Долгорукая, родная сестра князя Ивана Михайловича Долгорукого, известного в свое время поэта. Она убедила бабушку, что, при твердой решимости княжны Елены Павловны и при моих хороших якобы качествах и способностях (я ей весьма понравился), сопротивляться нашему браку по причине одной бедности не совсем благоразумно, предсказывая, что мы не пропадем. И Бог оправдал эту ее надежду. К Селецкой присоединились и некоторые соседние польские помещики, которые очень уважали и любили и генеральшу де Бандре, и Елену Павловну. Таким образом, с благословением бабушки, князя Павла Васильевича и моих родителей, брак наш совершился в домашней церкви Селецкой, в имени ее Ковалях, 9 февраля 1813 года, и я водворился на общем жительстве в доме бабушки. Во время женитьбы моей все мое состояние заключалось из ста рублей в кармане¹.

¹ Княжна Елена Павловна, красивая собою, умная, прекрасно образованная, имела много женихов и могла сделать блестящую или очень выгодную партию. Несколько знатных польских магнатов усиленно искали ее руки, и хотя она была очень дружна со многими польскими семействами, но по отношениям, часто враждебным, поляков к русским не хотела быть женой поляка. Другие не нравились. Раз она была склонна принять предложение русского гвардейского офицера М., красивого и богатого, отличного молодого человека, владельца четырех тысяч душ, но он принадлежал к Донскому казачьему войску, и, по тогдашним предубеждениям к казакам, все ее друзья и знакомые восстали против этого брака и отговорили ее. М. был страстно влюблен, не мог пе-

Между тем, по изгнании неприятеля из пределов России, в начале 1813 года, отцу моему, с находившейся при нем командой, было приказано возвратиться на Огинский канал, а мне под каким-то служебным предлогом дозволили оставаться до весны в Ржищеве, где я и провел таким образом «la lune de miel»¹. В мае месяце, однако, и мне пришлось ехать, и, оставив жену мою с бабушкой, я отправился туда же.

На Огинском канале прожил я два месяца с моими родителями и братом Павлом, который по причине болезни находился там в отпуску. Много я в это время слышал от него рассказов о разных событиях 1812 года в армии и о той ненависти, до которой были доведены наши крестьяне и солдаты нашествием и неистовствами французов. Помню следующий случай. Брат мой после Бородинского сражения сильно заболел. Он пробыл два месяца до излечения в Калуге и по выздоровлении отправился догонять армию почти по следам отступавшей неприятельской армии и преследовавших ее наших войск. Между Можайском и Бородином он увидел близ дороги раненого француза-офицера, изнемогавшего от страданий и умолявшего взять его с собою; брат мой позволил ему сесть в его коляску, чтобы довести его куда-нибудь до походного лазарета. Они повстречались с одним из казачьих отрядов, которые шныряли повсюду и беспрестанно по дороге. Увидев французского офицера, казаки остановили коляску и, узнав от брата, кто он, потребовали, чтобы он отдал им офицера, и, невзирая на все его увещания, объявили брату, что если он не выдаст им его, то они будут стрелять в француза и не отвечают, чтобы не зацепить его самого или кого-либо из других сидевших с ним в коляске. Фран-

---

ренести отказа и решил покончить с собою; он выстрелил из пистолета себе в рот, пуля пробила челюсть, и он остался жив. Спустя после того лет 50, когда Елена Павловна жила в Тифлисе, М..., живший в своем имени на Дону, узнав о ней чрез общих знакомых, велел передать ей почтительнейший поклон с прискорбным укором, что по ее милости он на всю жизнь остался с искалеченной челюстью.

Елена Павловна вышла за Андрея Михайловича Фадеева, потому что полюбила его.

¹ Медовый месяц (*фр.*).

цузский офицер, понявший, в чем дело, выскочил сам из коляски и был в ту же минуту заколот казацкими пиками.

Для устройства своих дел, по поводу новых обстоятельств жизни, я сначала взял отпуск, а потом вышел в отставку с намерением переменить род службы, потому что, по взаимной привязанности Елены Павловны и ее бабки друг к другу, они поставили мне непременно условием при нашей женитьбе, чтобы я приискал себе должность или в Киеве, или где-либо поблизости, куда бы и бабушка могла переселиться для общего с нами сожительства. Это так и сделалось. Осенью того же года я возвратился в Ржищев, где и оставался до начала 1814 года. В этом году, 11 января, родилась у меня старшая дочь Елена, — будущая m-me Ган. Нет надобности говорить, что все это время я провел очень приятно, за исключением нескольких дней, которые проболел воспалением в горле. Этой болезни я подвергался часто в моей молодости; никакие медицинские средства не предотвращали периодического возвращения ее по два раза в год, и так продолжалось до двадцатых годов, когда я излечился от нее странным способом, но, по крайней мере для меня, почти по полувековому опыту, *совершенно верным*. Тогда уже я проживал в Екатеринославе; знакомый мне, служивший там же, директор казенной суконной фабрики статский советник Адлерберг посетил меня однажды, когда я страдал этой болезнью. Он присоветовал мне как симпатическое против нее средство носить на шее, никогда не снимая, черную саржевую ленточку. Я сделал это, и вот уже тридцать пять лет с тех пор я ни разу более не подвергался этому недугу.

В 1814 и 1815 годах, во время моего проживания в Ржищеве, я довольно часто ездил в Киев, где через бабушку и жену мою познакомился с несколькими хорошими их приятелями, как то: генералами Бегичевым, Сутгофом и прочими. У первого я иногда встречал нашего известного партизана Дениса Васильевича Давыдова и с любопытством слушал его энергичные рассказы о военных событиях за последние четыре года; у Сутгофа я любовался сыном его, прекрасным двенадцатилетним мальчиком, подававшим много надежды и попавшим впоследствии

в декабристы. Мне пришлось вновь увидеть его через сорок пять лет на Кавказе, уже седого старика в чине подпоручика.

В начале 1814 года наступила пора, когда уже следовало подумать, как бы устроить себя на должности сообразно желанию жены и бабушки. По общему нашему совету, мы решили, чтобы мне для этого отправиться в Петербург, куда в феврале месяце я и поехал. Меня снабдили большим числом рекомендательных писем к вельможам и сильным в петербургском мире лицам, между коими многим родственникам и старым знакомым бабушки и отца жены моей; преимущественно же к близкому родственнику тестя моего, покойному фельдмаршалу князю Николаю Ивановичу Салтыкову¹, — в то время председателю Государственного Совета.

Мне было тогда всего двадцать четыре года, я был не более как в чине титулярного советника, опытности имел мало, денег еще меньше и потому, невзирая на благосклонные приемы князя Салтыкова, трех сыновей его и некоторых других вельмож, прожил в Петербурге четыре месяца почти безуспешно. Должности в Киеве не представлялось. Сын покойного фельдмаршала, князь Александр Николаевич, бывший уже в то время членом Государственного Совета и сенатором, сказал мне однажды, что у тогдашних министров скорее может добиться определения к должности какой-либо негодяй посредством рекомендации камердинера его, через подкуп, нежели порядочный человек по рекомендации отца его, князя Николая Ивановича Салтыкова.

Но тогдашний министр полиции, Вязмитинов, желал, однако же, исполнить рекомендацию князя Николая Ивановича обо мне. Он и сам хорошо знал бабушку и деда жены моей. Покойный генерал де Бандре находился при фельдмаршале князе Захаре Григорьевиче Чернышеве в то же время, когда Вязмитинов состоял при нем генераль-адъютантом. Вязмитинов предложил мне место

¹ Фельдмаршал был женат на княжне Наталье Владимировне Долгорукой (1737–1812), происходившей из того же рода, что и тесть автора (В. К.)

ассессора в Нижегородском губернском правлении. Служба этого рода для меня была совершенно новая, место незавидное и не по характеру моему; жалованье малое, всего 600 рублей ассигнациями, и вообще о гражданской службе я почти понятия не имел. Но делать было нечего, проживать более в Петербурге уже не приходилось, а между тем служба в Нижнем представляла мне случай познакомиться с отцом жены моей, с другой бабкой ее, княгиней Анастасией Ивановной Долгорукой, и прочими родными, по недалекому расстоянию от Пензы. Поэтому я и решился принять это предложение на первое время.

В четырехмесячную бытность мою в Петербурге я познакомился с несколькими хорошими людьми, как то: Ячевским, коллежским советником и киевским помещиком, служившим в Иностранной коллегии; Анастасиевичем, — посредственным литератором, но приятным и добрым человеком, — и некоторыми другими, дружеские связи и переписка с коими продолжалась до самой их смерти.

По определении меня на службу в Нижний я возвратился в июне месяце в Ржищево. Грустно было и жене моей, и бабушке ее разлучаться и разъехаться в первый раз в жизни на довольно далекое расстояние, но мы решили, что это мера временная, что я постоянно буду иметь в виду стараться о перемещении меня на службу в Киев или поблизости его. В июле месяце мы отправились, в сопровождении бабушки нашей, до Могилева белорусского, где брат бабушки, Вилиям Иванович Бриземан фон Неттиг, генерал-майор, был окружным начальником внутренней стражи. Мы ехали на долгих и имели разные перепутья у старых знакомых бабушки, из которых самое замечательное наше посещение было в местечке Чичерске, у крестной матери жены моей, фельдмаршалыши и статс-дамы графини Анны Родионовны Чернышевой, известной своими оригинальными причудами и странным образом жизни. После смерти мужа она жила тридцать лет в совершенном затворничестве, в одной комнате, в которой была устроена и ее церковь; день она обращала в ночь, а ночь в день и, кроме самых близких знакомых, никого не принимала.

ноград, с ними без замедления отправился по направлению в Тифлис.

Отдохнув немного во Владикавказе, мы по Военно-Грузинской дороге выехали в горы, с большим любопытством, но, признаться сказать, с не совсем покойным чувством, по причине случавшихся иногда в то время нападений горских хищников и обвалов с гор, нередко заваливавших узкую дорогу, висевшую над бездонными безднами, а с тем вместе и проезжавших по ней путников, — что, впрочем, бывает и до сих пор¹. Много занимали нас, особенно жену мою, страстную любительницу природы, новые места, поражавшие красотой своего дикого, сказочного величия; трудность переезда забывалась перед фантастической грандиозностью видов, с их бесконечным разнообразием, с бурным Тереком, стремившимся каскадами вниз, грозными, гигантскими скалами, нависшими на них вечными снежными вершинами. Первый день мы добрались только до Ларса; второй Дарьяльским ущельем в полдня успели сделать всего шестнадцать верст до Казбека и ночевали в Коби. На третий путь до Кашаура оказался самым трудным. Через Гуд-гору мы перебирались целых пять часов; большую часть я шел пешком или ехал верхом, и ночь провели в Пассанауре, от которого по берегу Арагвы дорога уже пошла лучше и ровнее, так как мы здесь выбрались из гор, хотя чрезвычайно каменистая и неудобная. В Анануре заходили посмотреть старинную церковь, замечательную своей своеобразной архитектурой; проехали через городок Душет и к вечеру доехали до Гардисквари, последней станции и последнего нашего ночлега в этом странствии, где, несмотря на наступившую осеннюю пору, мы уже ощутили действие благоприятного южного климата, потому что от жары и духоты почти не могли спать. Выехав рано, проездом чрез Мцхет, древнюю столицу Грузии, мы осматривали собор, построенный в пятом столетии, в котором похоронены грузинские цари, и довольно сносно сравнительно с оставшейся за нами дорогой, по берегу Куры, прибыли благополучно в Тифлис 12 сентября 1846 года.

¹ Нынешняя дорога, устроенная в семидесятых годах, почти безопасна.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Первые впечатления мои с приездом в Тифлис были неопределительны и разнообразны. Местоположение и виды города мне и жене моей понравились. Мы остановились на квартире, заблаговременно для меня приготовленной, в части города, именуемой Солалаками, в доме отставного капитана армянина Мурачева. Хозяин с женой оказались люди добрые и гостеприимные, квартира порядочная и удобная для нас троих; вид на горы с галереи дома представлялся прелестный, а время наступило в здешнем крае самое лучшее, то есть осеннее, а потому эта первоначальная обстановка подействовала на нас довольно приятно. Но дороговизна дала себя почувствовать с самого приезда: и квартира, и все потребности жизни (кроме некоторых фруктов) оказались значительно дороже, нежели во всех тех местах, где мы до этих пор жили¹.

Князь Воронцов был так внимателен, что, при отъезде моем от него из Кисловодска, писал начальнику граж-

¹ Дороговизна в Тифлисе со времени приезда моего в 1846 г. и поныне, около двадцати лет спустя, возвышается непрестанно. Причины тому: умножение народонаселения, прилив денег по большому числу служащих военных и гражданских, монополия, множество злоупотреблений, необращение на то внимания со стороны начальства, и прочее, и прочее. При всей умеренности в нашем образе жизни мы (я с зятем моим Витте) проживаем не менее 14–15 тысяч в год. (Примеч. А. М. Фадеева.) Теперь, по выводе войск из Тифлиса, там, говорят, стало гораздо дешевле. (Н. Ф.)

данского управления генерал-лейтенанту Ладинскому и вице-губернатору Десимону, прося их ознакомить меня со всем тем, что заезжему семейному человеку в незнакомом крае знать необходимо. Подобным вниманием к своим подчиненным князь Воронцов особенно привлекал к себе. Этим качеством, в такой степени, как оно было у него, мало кто обладает в его высоком положении.

Ладинский, по месту начальника гражданского управления, состоял председателем Совета главного управления Закавказского края. Хотя и без всякого образования, но с природным умом, он был, что называется, *хитрый хохол*, умевший угождать высшему начальству и туземным аристократам, из коих в особенности с мусульманскими (по прежней своей службе в их среде, когда еще был полковым командиром) находился в большой дружбе. Он сильно защищал их интересы в невыгоду крестьян, когда совершалось дело о правах высшего мусульманского сословия, и так запутал его, что и теперь, в 1864 году, неизвестно, как и когда оно кончится. Это он, кажется, предвидел и немедленно по совершении этого дела подал в отставку; а когда по воследовании его увольнения один из членов Совета спросил его: «Кто же будет теперь расхлебывать кашу, которую вы по этому делу заварили?» — то он с иронической улыбкой ответил:

— Уж никак не я!

Но для своих сотоварищей и подчиненных он был человек добрый и очень радушный хлебосол. Он недавно (в шестидесятых годах) умер в Феодосии и оставил, говорят, кроме хорошего недвижимого имущества в Крыму более ста тысяч рублей капитала, и притом всегда жил весьма недурно, даже широко; а потому и кажется, что экономией от своего содержания столько накопить едва ли мог.

Другими моими товарищами по Совету тогда были генералы: князь Чавчавадзе, Реут, Коханов, Жеребцов, Семенов и Шрам. Чавчавадзе был грузинский аристократ, для туземца того времени человек довольно образованный и влиятельный по отношению к своим соотечественникам, но с ним мне пришлось служить недолго. 7 октября того же года он упал с дрожжек, расшиб себе голову и того же

дня умер. Реут, Коханов, Жеребцов, из которых первые два старые, храбрые кавказские ветераны, люди были хорошие, хотя мало приносившие пользы в Совете; то же должен сказать и о прочих. Один Семенов, хотя вертопрах не по летам и страшный говорун, выдавался, однако, как человек смысленный и образованный; он был одним из первых воспитанников Царскосельского лицея. Впоследствии князь Воронцов сделал его попечителем учебного округа, где он накутил самым непозволительным образом, да еще промотал казенные деньги, что послужило поводом к его удалению от должности и окончательному изгнанию. После оставления своего служения на Кавказе Семенов получил место члена главного управления училищ под покровительством родственника своего, графа Ростовцова. Он умер в 1863 году в Женеве.

Служба моя в самом начале оказалась вовсе нетрудной, особенно при сравнении с бесчисленными заботами и неприятностями на саратовском губернаторстве; а что лучше всего — ответственности никакой, потому что все постановления Совета исполнялись не иначе как по утверждении их заместителем. Заседания происходили не чаще как раз или два в неделю, но занятия в них бывали серьезные, многосложные, далеко не столь ничтожные, как впоследствии, с 1859 года, по преобразовании Совета князем Барятинским.

Кроме сотоварищей моих по Совету я познакомился и с другими лицами в Тифлисе, или по необходимости служебных с ними отношений, или по уважению, коим они пользовались в обществе, или по значению их официального положения. У князя Воронцова, возвратившегося в Тифлис в первых числах ноября, я встретил людей, давно мне известных со времени моей жизни в Новороссийском крае, с которыми судьба привела меня снова увидеться и жить в одном месте. В числе их, одним из первых по давности знакомства, следует назвать Степана Васильевича Сафонова, директора канцелярии заместителя, о встрече с которым по дороге моей в Кисловодск я упоминал. Он был сын секретаря Екатеринославской духовной консистории, и я его видал еще с самого начала моего прибытия

ПРИЛОЖЕНИЕ

Из обильного и любопытного запаса писем и бумаг, оставшихся после Андрея Михайловича Фадеева, прилагаем здесь немногие из числа свидетельствующих о том, как относились к нему и дорожили им все его начальники (за исключением одного Перовского), большей частью высшие сановники государства, несмотря на его тогда незначительное служебное положение. Но еще более ценили его везде, где он находился, все подведомственные ему населения, каких бы то ни было народностей. Кроме доказательства особенных способностей и заслуг Андрея Михайловича по службе бумаги эти представляют интерес и по значению лиц, писавших их. Подлинники прилагаемых при этом нескольких письменных документов, со всеми остальными бумагами покойного А. М. Фадеева, хранятся в его семействе.

№ 1. Письмо министра внутренних дел О. П. Козодавлева тестю А. М. Фадеева князю П. В. Долгорукому¹

Санкт-Петербург, 9 апреля 1818 г.

Милостивый государь мой, князь Павел Васильевич!

Письмо Вашего Сиятельства, в коем Вы изволите рекомендовать мне служащего в Новороссийской конторе опекунства зятя Вашего г-на Фадеева, я имел честь получить. Рекомендую сего чиновника, Вы доставляете мне сугубое удовольствие. С одной стороны, для меня приятно быть ему полезным, чтобы доказать Вам, что я всегда готов исполнять Ваши препоручения; с другой, отличные качества, трудолюбие и способности г-на Фадеева, известные по службе, делают его совершенно того достойным. Будьте уверены, милостивый государь мой, что первым удобным случаем воспользуюсь я, дабы все сие доказать Вам на самом деле и вместе с тем удостоверить в том совершенном почтении и преданности, с коими честь имею быть Вашего Сиятельства покорнейший слуга Осип Козодавлев.

№ 2. Доклад главного попечителя колонистов южного края России генерал-лейтенанта И. Н. Инзова министру внутренних дел В. П. Кочубею

31 августа 1821 г.

Старший член Екатеринославской конторы иностранных поселенцев титулярный советник Фадеев, служа шестой год по управлению новороссийскими колониями, третий год управляет Екатеринославскою конторою с отличным усердием и знанием своего дела; а сверх того, ныне исполнил возложенное на него поручение по избранию и обозрению земель, для поселения иностранных и разных сект раскольников в Новороссийском крае предназначаемых, с совершенною точностью и отличною деятельностью. Почему я всепокорнейше прошу Ваше Сиятельство, в вознаграждение за его, по всей справедливости, достойное служение и в поощрение к дальнейшему таковому,

¹ Заголовки даны редакцией настоящего издания. (В. К.)

№ 22. Письмо астраханского военного губернатора И. С. Тимирязева министру внутренних дел Блудову

28 января 1837 г.

(По поводу замедления назначения пенсии.)

Милостивый государь Дмитрий Николаевич. Из многих моих представлений по делам калмыцкого управления Ваше Высокопревосходительство изволили усмотреть полезные труды и занятия главного попечителя калмыцкого народа, коллежского советника Фадеева, а по донесению моему 4 ноября истекшего года Вы дозволили ему приехать в Петербург для личных докладов дел по калмыцкому управлению.

Ныне присутствие г-на Фадеева в Петербурге убедит Вас, милостивый государь, как в отличных способностях, дарованиях, усердии и трудах этого достойного чиновника, так равно и в полезных его занятиях по управлению калмыцким народом. При таком служении г-на Фадеева, как я обязываюсь повторить, оставление этого чиновника при настоящей должности и поощрение, им заслуженное, принесет несомненные пользы для народа и самой службы. Хотя и можно быть уверенным, что Ваше Высокопревосходительство, в уважение отличной службы Фадеева, не оставите оной без милостивого вознаграждения, но долголетнее прежнее служение без особенных наград и с особенными пользами для службы, похвальное прохождение Фадеевым настоящей должности и обстоятельства, в коих этот достойный чиновник находится, — все сие порознь и взятое в совокупности делает необходимым определить меру вознаграждения, с изъятием из общих правил. Обстоятельства сии заключаются в нижеследующем. Главный попечитель об иностранных поселенцах южного края России, генерал от инфантерии Инзов от 4 октября 1835 года отношением, в списке у сего включаемым, представительствовал у Вашего Высокопревосходительства об исходатайствовании Фадееву, не в пример прочим, пенсии на службе 1500 рублей в год, по заслугам, в том донесении изложенным. Вместе с сим, по словесному изъяснению г-на Фадеева, было ему сделано от министерства предложение о принятии на себя должности главного попечителя калмыцкого народа. Г-н Фадеев на сделанное ему предложение отвечал, что он с готовностью примет на себя это звание, если толь-

ко правительству угодно будет предоставить ему вспоможение на переезд и просимую генералом Инзовым пенсию. В последствии времени на переезд Фадеева назначено 4 тысячи рублей, но награды, просимой Инзовым, не назначено. Назначение г-на Фадеева в настоящую должность главного попечителя не предоставило ему в отношении содержания никаких выгод; ибо содержание сие осталось в той же мере, какую он пользовался по прежнему месту, по 4 тысячи рублей в год; но вместе с тем с назначением сим расстроились хозяйственные его дела по небольшому имению, состоящему в Херсонской губернии, а также и домашние дела по воспитанию детей. От такового стечения обстоятельств Фадеев в несколько лет должен будет расстроиться в делах своих и поселить, как он выражается, правильное сетование детей за утрату небольшого имения жены его, за которым он не может ныне иметь никакого надзора.

Г-н Фадеев служит 35 лет и по отставке имеет право на полную пенсию. Каждая награда, кроме пенсии, пожалованная ему в установленном общем порядке, не может заменить существенных нужд этого высокодаровитого чиновника; итак, лишение пенсии на службе, испрашиваемой генералом Инзовым, и при назначении в настоящую должность поставит его по долгу отца семейства в обязанность или просить перевода в Новороссийский край, где чрез попечения свои об имении он в состоянии будет поддержать небольшое достояние своей супруги, или же просить об увольнении его от службы.

Изъяснив со всей откровенностью о нуждах г-на Фадеева и будучи поставлен в прямой и справедливый долг свидетельствовать о полезной и отличной службе его, я приемлю смелость всепокорнейше просить об исходатайствовании ему пенсии на службе по 1500 рублей в год. Предоставление этой награды г-ну Фадееву послужит поощрением к дальнейшему его отличному служению, предоставляя вместе с сим ему средство остаться в Астрахани главным попечителем для пользы калмыцкого народа.

В полном надеянии, что Ваше Высокопревосходительство справедливое мое представительство примете благосклонно, я с совершенным почтением имею честь и проч. Иван Тимирязев.

Якимович Аким Степанович, помещик — 88
Яхонтов Николай Николаевич (1820–1857), отставной гвардейский офицер, псковский помещик, муж В. П. Ган — 453–455
Ячевский, коллежский советник, киевский помещик — 45

СОДЕРЖАНИЕ

<i>С. А. Экипут. «Любить и лелеять недуг бытия»</i>	5
От редакции	16
Предварительная заметка к изданию 1897 года	18
Несколько вступительных слов	19

Мои воспоминания. 1790–1867

Часть первая	23
Часть вторая	239
Приложение	512
Именной указатель	544